

ТРИ ТИПА ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОНИМАНИЯ

В.В. ЗНАКОВ

Институт психологии РАН, Москва

Описана эволюция научных представлений о детерминизме: от попыток ученых найти общие закономерности детерминации, применимые для выявления причин и следствий поведения природных объектов и человека в любых условиях, до осознания принципиальной невозможности определения причинно-следственных связей в развитии открытых, неравновесных, самоорганизующихся систем. Обосновано, что в психологической науке проблема детерминации психического развития всегда была одной из центральных, приведены примеры ее анализа и обсуждения в трудах классиков отечественной психологии и современных исследователей. Статья направлена на получение ответов на два главных вопроса: 1) насколько разумно и целесообразно искать универсальные психологические механизмы, определяющие детерминацию понимания субъектом мира абсолютно во всех ситуациях и обстоятельствах? 2) существуют ли специфические особенности, характеризующие детерминацию в эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностях? На первый вопрос получен научно обоснованный отрицательный ответ. Ответ на второй вопрос заключается в утверждении, что психологические механизмы детерминации понимания не могут быть единственными и одинаковыми для всех ситуаций и обстоятельств. В эмпирической реальности детерминация понимания имеет причинно-следственный характер и осуществляется только применительно к необходимым ситуациям и обстоятельствам, т.е. тому, чего не может не быть. В социокультурной реальности субъект реализует стратегию каузального инкрементализма, основанную на осознании неопределенности, непредсказуемости, хаотичности понимаемого мира. Детерминация понимания экзистенциальной реальности осуществляется в виде направленности человека на осмысление невозможного, т.е. таких событий и обстоятельств, причины которых не только неизвестны сейчас, но и принципиально непостижимы.

Ключевые слова: понимание, детерминация, полидетерминация, необходимое, возможное, правдоподобное, невозможное.

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДЕТЕРМИНИЗМЕ

В философии и других науках решение проблемы детерминизма долгое время происходило в целом одинаково: ученые пытались описать и проанализировать *общие* закономерности детерминации, которые применимы для выявления причин и следствий поведения природных объектов и человека в любых ситуациях и обстоятельствах. Типичным способом рассуждений были размышления физиков о законах тяготения или движения планет. В основании таких рассуждений было представление о том, что мир един, а задача ученых — найти, определить общие для природной и социальной среды законы его детерминации. На этом классическая

наука незыблемо стояла вплоть до начала прошлого века. Однако в XX–XXI вв. научные представления о фундаментальных закономерностях развития процессов в природе и обществе значительно изменились. И главное изменение состоит в отказе от попыток ученых вывести единые общие законы, согласно которым, как в классической ньютоновской физике, основанием любого следствия являются вполне определенные причины: если известны начальные условия материального тела, то можно вычислить его положение в будущем.

В классической науке научная рациональность рассуждений ученых была направлена на поиск вечных и неизменных законов, описываемых истинными суждениями о природе и обществе. Сегодня,

после работ И. Пригожина, М.Н. Эпштейна и других ученых, стало очевидно, что в мире человека, включающем природу, существуют как минимум два типа законов. Одни направлены на объяснение необходимого, того, чего не может не быть; другие — возможного, того, чего нет в действительности: оно может быть, а может и не быть. Необходимость различий в описании закономерностей двух типов ясно осознавали И. Пригожин и И. Стенгерс: «Наше видение природы претерпевает радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и сложности. Долгое время в западной науке доминировала механистическая картина мироздания. Ныне мы сознаем, что живем в плюралистическом мире. Существуют явления, которые представляются нам детерминированными и обратимыми. Таковы, например, движения маятника без трения или Земли вокруг Солнца. Но существуют также и необратимые процессы, которые как бы несут в себе стрелу времени. Например, если слить две такие жидкости, как спирт и вода, то из опыта известно, что со временем они перемешаются. Обратный процесс — спонтанное разделение смеси на чистую воду и чистый спирт — никогда не наблюдается. Следовательно, перемешивание спирта и воды — необратимый процесс. Вся химия, по существу, представляет собой нескончаемый перечень таких необратимых процессов» (Пригожин, Стенгерс, 2014, с. 11).

В классической науке кажущаяся простота мира и, соответственно, проблем детерминации формировалась в результате изучения простых систем с периодическим поведением. Научные представления о простоте природного и социального миров показали свою несостоятельность, когда стало ясно, что мир человека в основном состоит из неустойчивых динамических систем, которые чаще поддаются научно корректному описанию в терминах случайности, чем необходимости.

В неклассической науке при описании динамических систем важную роль начинают играть категории случайности, потенциально возможного и действительно-го. В наше время уже очевидно, что в мире человека сфера применения детерминизма в его классическом понимании не универсальна, а ограничена: «Детерминизм, долгое время казавшийся символом научного познания, в настоящее время сведен до положения свойства, справедливого только в ограниченном круге ситуаций» (Пригожин, Стенгерс, 1994, с. 97). В мире человека такими ситуациями являются только те (простые и устойчивые), которые относятся к эмпирической реальности. Вследствие этого, например, в социологии дело доходит до полного отрицания детерминизма и утверждения ненужности этого понятия: «Организаторы XVII Всемирного социологического конгресса (Швеция, Гетеборг 2010 г., “Социология в движении” — “Sociology on the move”) начинали обоснование главной темы этого форума с фразы “Determinism is dead in the social sciences” (Wieviorka, 2010). Судя по всему, “смерть детерминизма” предлагалось рассматривать как одно из самых существенных “движений”, демонстрирующих эволюцию категории — от классического признания фундаментальной ее роли как методологической основы исследования социальных процессов и построения научных объяснений до потери доверия к ней в современных условиях» (Орланов, 2019, с. 265). Такую категоричную точку зрения вряд ли можно признать правильной: целесообразнее вести речь не о «смерти детерминизма», а о развитии содержания этого понятия. В современной науке начинает складываться новая интерпретация детерминизма, связывающая его с управлением: «Управление начинает основываться на соединении вмешательства человека с существом внутренних тенденций развивающихся систем. Поэтому здесь появляется в некотором смысле высший

тип детерминизма — детерминизм с пониманием неоднозначности будущего и возможностью выхода на желаемое будущее. Это детерминизм, который усиливает роль человека» (Князева, Курдюмов, 2008).

ПРОБЛЕМА ДЕТЕРМИНИЗМА В ПСИХОЛОГИИ

В психологической науке проблема детерминации психического развития всегда была одной из центральных, ее анализ и обсуждение занимают большое место в трудах классиков отечественной психологии. Например, в концепции С.Л. Рубинштейна главными являются «три аспекта принципа детерминизма, важнейшие для субъектно-деятельностного подхода: внешние причины действуют только через внутренние условия; детерминация любого явления процессуальна; внутренние условия организованы системно» (Харламенкова, 2018, с. 17). А.В. Брушлинский считал, что детерминация любого человеческого действия, в частности мышления, не дана изначально как нечто готовое, она образуется, постепенно формируется, т.е. выступает в виде процесса. Внутренние условия для его дальнейшего развития создаются только в ходе самого мышления (Брушлинский, 2003, с. 238).

К.В. Карпинский (2020) выделяет три формы субъектной детерминации психического развития человека. Первая форма детерминации представлена деятельностью как процесс субъект-объектного взаимодействия человека с миром. Вторая форма — саморегуляция как процесс субъект-объектного взаимодействия человека с собственной деятельностью. Наконец, третья форма — самодетерминация как процессом субъект-объектного взаимодействия субъекта с самим собой. И.Н. Погожина (2015) фокусирует внимание не на внутрисубъектных, а на общенаучных основаниях детерминации развития содержания познавательных процессов

человека и анализирует преемственность, классических, неклассических и постнеклассических моделей детерминации развития психики. В ее работе обосновывается, что психику человека следует понимать как функционирование открытой развивающейся, неравновесной, самоорганизующейся системы.

В системно-субъектном подходе Е.А. Сергиенко (2017) детерминация психического развития рассматривается как полидетерминированный процесс, включающий множество пересечений биологических, генетических, социальных, исторических и культурных компонентов. Полидетерминация психического развития анализируется на основе сложной модели мультидисциплинарных и междисциплинарных решений, направленных на поиск генетических, генетико-молекулярных и нейрональных механизмов психического развития. Аналогичные соображения с позиций культурно-деятельностной психологии высказывает Т.В. Корнилова: «Развитие идей культурно-деятельностного подхода и конкретно-психологических системных представлений приводит к пониманию *множественности* причинности, если речь идет о познании и личности, и отказу от одноуровневых и односложных объяснений (при развитии многоуровневых построений). Одна причина не может быть положена в основу анализа личностных структур: дихотомии “внешнее (действует) через внутреннее” или “внутреннее — через внешнее” (отличие подходов С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева) не могут сводить психологический анализ к одному виду или модусу причин. Для развития психологических теорий, конкретизирующих те или иные методологические предпосылки в подходах к личности, необходимым звеном становится понимание *плюралистичности* психологических объяснений» (Корнилова, 2018, с. 372).

Обобщая, можно утверждать, что в психологии указанные методологические

тенденции получили развитие в представлениях о множественности детерминации поведения человека. Основная причина этого заключается в том, что научные описания природных объектов, в том числе с помощью математических моделей, обычно содержит значительно меньше переменных, чем интерпретации результатов психологических исследований: «Например, в модели идеального газа можно изменять две переменные — объем и температуру — и следить затем, как изменяется третья — давление. Однако для объектов, которыми занимается психология, характерно чрезвычайное разнообразие поведения в разных ситуациях, или, другими словами, большое количество степеней свободы» (Ушаков, 2018, с. 72). С методологической точки зрения, полидетерминация отражает как саму действительность, так и языковые средства ее описания: «Реальность, изучаемая наукой, — это также “конструкция нашего разума, а не только данность”. Урок из принципа дополнительности, который важен для всех областей знания, состоит в следующем. Множественность описания системы неустранима. Нет “божественной” точки зрения, с которой открывается “единственно верный”, исчерпывающий взгляд на всю реальность. Богатство реальности превосходит возможности любого одного языка, любой логической структуры» (Александров, Александрова, 2010, с. 25).

Многомерность мира человека и исследования полидетерминации многих событий и ситуаций не означают обязательности поиска «теории всего», т.е. единых оснований и причин понимания всех трех реальностей: эмпирической, социокультурной, экзистенциальной. Напротив, для аналитической ясности следует попробовать выделить главные, доминирующие детерминанты, играющие конституирующую роль в понимании каждой реальности. И хотя это некоторое упрощение проблемы детерминации, очевидно, что

вследствие качественного различия реальностей выявление и описание ведущей доминирующей детерминанты в понимании каждой из них может оказаться научно значимым и практически полезным.

Цель статьи — проанализировать три типа детерминации понимания в эмпирической, социокультурной, экзистенциальной реальностях и соответствующие им понятия: необходимое, правдоподобное, невозможное.

ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОНИМАНИЯ ЭМПИРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Первый шаг анализа мне кажется бесспорным: про эмпирическую реальность, основанную на пространственно-временных отношениях, можно сказать, перефразируя мнение И. Пригожина, что она характеризуется свойствами, справедливыми только в ограниченном круге ситуаций. Понимать такие ситуации следует как причинно-следственно детерминированные. Детерминированные процессы отражают физическую и логическую необходимость, они неизбежны и необратимы: сорванная ветром крыша сарая обязательно упадет на землю и сама не вернется на прежнее место, а из ребенка вырастет взрослый, который никогда снова не станет подростком. С логической точки зрения, суждения об эмпирической реальности дихотомичны: они либо истинны, либо ложны. С точки зрения научной рациональности, истинность или ложность — это главная характеристика таких суждений, потому что в них выражается необходимое — то, чего не может не быть.

В естественных науках необходимость нередко связывают с фактами, т.е. тем, что непременно проявится в действительности, в эмпирической реальности. Вот как писал об этом выдающийся физиолог А.А. Ухтомский: «Единственный неизбежный, по закону противоречия присущий признак *действительности* в наших глазах тот, что

она есть нечто *принудительно (фактически) необходимое*, ибо, как мы уже говорили, не будь твердость печного угла принудительно необходимым фактом, я никогда не имел бы случая заинтересоваться существованием этого предмета в действительности; мне известно, для меня существует лишь то, что носит печать необходимости на себе» (Ухтомский, 1997, с. 340–341).

Таким образом, применительно к пониманию эмпирической реальности ключевым понятием, отражающим причинно-следственную сущность детерминации, является «необходимое».

ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОНИМАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

К социокультурной реальности уже не применима корреспондентная теория истины, в ней нет никаких абсолютных критериев истинности одних высказываний и ложности других. Вследствие этого политические выборы, конкурсы красоты, суждения об интеллектуальном превосходстве одного человека над другим и т.п. построены на мнениях, разных интерпретациях содержания понимаемого. Мнения не могут быть истинными, они правильны, верны с точки зрения одних людей и неправильны, не являются верными с позиции других. Иначе говоря, от мнений мы ожидаем не истинности, а *правдоподобия*.

Задам риторический вопрос: какое из двух приведенных ниже мнений кажется более правдоподобным для человека, выросшего в русской культуре?

Первое выражено в высказывании известного поэта и критика XIX в. Аполлона Григорьева: «Пушкин это наше все». Он видел в Пушкине воплощение всего самобытного, особенного, что есть в русском народе, что отличает его сознание и образ жизни от представителей других стран. Эту мысль в статье, посвященной двухсотлетию со дня рождения великого поэта («Пушкин — наше все» (теоретико-литературные

уроки Пушкина»), развивают Ю.Б. Борев (1999) и другие современные литературоведы. Такое мнение имеет серьезные культурно-цивилизационные основания: «Спустя сто лет после петровских реформ, в XIX в. в России в разных областях культуры, в том числе в теоретической мысли, начинается новая эпоха. В области словесности — Пушкин. Конечно, и до него были прекрасные поэты. Но именно Пушкин стал тем писателем, после которого возникла современная русская литература. Не случайно последующие русские мыслители оценивают Пушкина не просто как поэта, но и как человека, который осмыслил русские характеры, осмыслил судьбу России; как человека, который смог в литературном виде дать свое представление о том, что такое Россия» (Смирнов, 2019, с. 95).

А вот другое мнение, суждение Э. Лимонова, высказанное им в книге «Священные монстры»: «Не нравится мне Пушкин? Я же говорю: от него нужны только календарные стихи, а в остальном он выпал с парохода современности давным-давно. Его проза, все эти “Метель”, “Выстрел”, “Станционный смотритель” — обыкновенная дворянская продукция с гусарами и прочей традиционщиной. Эти повести мог написать любой, какой угодно писатель своего времени» (Лимонов, 2019, с. 12).

Не требуется каких-то особенных усилий, чтобы сделать очевидный вывод. В этом случае интеллектуальная легкость понимания первого мнения по сравнению со вторым определяется именно его значительно большим правдоподобием для русского человека. Нельзя сказать, что одно из высказанных суждений является истинным, а другое ложным, но можно утверждать, что первое для представителей русской культуры является правильным, а второе — нет.

Социокультурная реальность строится на новых, переосмысленных по сравнению с классической наукой основаниях

смысла причинности. О переосмыслении говорят И. Пригожин и И. Стенгерс: «Как мы теперь знаем, общую детерминистическую связь между причиной и следствием необходимо заменить новыми свойствами, соответствующими качественному различию между устойчивыми и хаотическими режимами» (Пригожин, Стенгерс, 1994, с. 81). Обобщенно говоря, переосмысление причинности позволяет ученым понять, как из хаоса парадоксальным образом может возникать порядок (Пригожин, Стенгерс, 2014).

Для психологической науки переосмысление принципа причинности играет огромную роль, наиболее наглядно проявляющуюся в психологии неравновесных состояний. Типичным примером таких состояний являются мнения. «В психическом целом неравновесные (неустойчивые) состояния выполняют специфические функции, ведущей из которых является функция формирования новообразований в структуре личности и ментальности субъекта. Возникновение новообразований осуществляется в ходе неравновесных процессов благодаря “расшатыванию” прежнего порядка и структуры психологической организации неравновесным состоянием» (Прохоров, 1998, с. 7). Неравновесные состояния сначала обуславливают возникновение новообразований в структуре личности, которые затем закрепляются в виде свойств, черт и т.п.

Случайность и непредсказуемость выбора направления, по которому будет развиваться система, — это тот путь, по которому мы обычно идем, высказывая мнение по любому поводу. Мнение представляет собой «такой переход от возможности к действительности, где действительное есть нечто совершенно новое по отношению к возможному» (Нехаев, 2009, с. 16). Мнение нельзя связывать с понятием истинности, потому что какие-то элементы представленного в нем описания мира

могут соответствовать действительности, а какие-то — нет (вследствие отсутствия традиционно понимаемого референциального измерения, необходимого для классической корреспондентной теории истины). Мнение отражает не реальный, а лишь возможный предмет. Любые вопросы об онтологическом статусе мнения относятся к онтологии возможного, но не действительного: оно представляет *не предмет, а только его возможность*. Что такое мнение, которое мы высказываем, общаясь с другими людьми? Это наше убеждение, основанное на гипотезе, на одном из возможных вариантов развития событий. Любое мнение становится осмысленным только тогда, когда оно сопоставляется с другими мнениями, которые дают ответы на вопросы о том, как иначе могли происходить события в конкретном фрагменте мира человека. Значимость мнения субъекта всегда определяется соотношением с мнениями его собеседников и оппонентов. В диалоге смысловая наполненность событий оказывается тем выше, чем с большим числом возможностей их развития они сопоставляются. В психологии понимания это соответствует полноте понимания, прямо зависящей от количества интерпретаций, включенности понимаемого в разные контексты. И это относится не только к тому, что может быть, но и к тому, что, безусловно, существует сейчас или было в прошлом. Парадоксально, но наше понимание исторических фактов, прошлых событий определяется сегодняшним их осмыслением. Вспомним высказывание, которое нередко звучит иронически, но тем не менее потенциально содержит в себе глубокий смысл: «Россия — страна с непредсказуемым прошлым». Его пояснением может служить такое суждение: «Даже прошлое, которое, несомненно, было тем, чем оно было, и то невольно впускает эту модальность возможного в свой завершённый мир, поскольку каждый факт по мере его удаления от нас прев-

ращается в гипотезу, открывает простор для интерпретаций, для многочисленных “что было бы, если бы”. Мы начинаем гадать о том, что раньше знали. Вчерашний факт превращается в сегодняшнюю гипотезу» (Эпштейн, 2004, с. 115).

Возникает вопрос: какой тип детерминации напрямую связан с формированием убеждения в правдоподобии понимаемых ситуаций и в наибольшей степени характеризует понимание социокультурной реальности? Я полагаю, что наиболее подходящей в этом контексте является введенная в нашу психологию Т.В. Корниловой категория «каузального инкрементализма» (поэтапности, пошаговости – *англ.*), которой соответствует одноименный феномен. Стратегия каузального инкрементализма основана на осознании хаотичности, непредсказуемости, неопределенности изменений внешней среды людьми, принимающими решение (например, в бизнесе). Они понимают, что построить целостную причинно-следственно обусловленную картину бизнес-ситуации невозможно. Вместо этого они ориентируются на достижение конкретных целей, реализуемых совокупностью последовательных шагов в заданном направлении и отказываются от детального планирования всей последовательности действий, приближающих их к конечной цели. В каузальный инкрементализм заложена идея о том, что «причинный вывод может содержать в себе последовательность шагов, из которых как минимум два включают выводы о разных причинно-следственных связях» (Корнилова, 2018, с. 375). Главным при этом становится человеческий фактор: основное значение при выборе решения имеет не столько рациональное обоснование идеальных общих целей, сколько различия в мотивах, интересах, моральных и социальных нормах взаимодействующих субъектов. Следовательно, инкрементальное принятие

решений происходит не только на рациональной основе, большую роль играют интуиция, прошлый опыт и т.п. Типичной современной ситуацией, в которой люди ориентируются не на рациональные, а на ценностные иррациональные компоненты понимания мира человека, является постправда (Знаков, 2019).

ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОНИМАНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

При понимании экзистенциальной реальности мышление человека направлено на осмысление непостижимого и невозможного. Невозможность – это существующее у субъекта противоречие между логически допустимым (не противоречащим законам логики) и физической недопустимостью (противоречием законам природы) практической реализации действия. В частности, невозможно вскипятить воду, нагрев ее до 40 градусов. В экзистенциальной реальности в таком психическом состоянии человек оказывается во время кризисной ситуации – невозможности жить, реализовать внутренние необходимости своей жизни. Напомню, что Ф.Е. Василюк понимал критические ситуации именно как внутреннее состояние невозможности реализации субъектом своих стремлений, мотивов, ценностей. При этом типам состояний невозможности и реализуемости многих ситуаций соответствуют свои типы состояний возможности (Василюк, 1984). Невозможность проявляется не только в кризисе: экзистенциально невозможным является желание человека стать, к примеру, директором института, противоречащее его реальным знаниям, умениям и навыкам. Другой пример – нереализуемое ни сейчас, ни в обозримом будущем желание субъекта стать обладателем очень дорогого автомобиля «Ferrari».

История человечества полна не только несбывшихся прогнозов, но и, наоборот,

реализации того, что незаурядные умы считали невозможным. Лорд Кельвин говорил, что летательные аппараты тяжелее воздуха, самолеты, никогда не взлетят. «Он считал рентгеновские лучи обманом и был уверен, что у радио нет будущего. Лорд Резерфорд, открывший атомное ядро, отрицал возможность создания атомной бомбы и сравнивал любые попытки такого рода с “погоней за солнечным зайчиком”» (Каку, 2019, с. 15). Подобных примеров множество, и они порождают необходимость отличия немыслимого от действительно невозможного.

Такую попытку предпринял в книге «Физика невозможного» американский физик М. Каку, выделивший три типа невозможного. К первой категории относятся технологии, сегодня пока еще невозможные, но не нарушающие известные науке законы природы (телепортация, двигатели на антивеществе, телепатия, телекинез). Вторая категория включает невозможности другого типа: это технологии, лишь недавно возникшие в научных представлениях о физическом мире. Если они вообще возможны, то их реализация может растянуться на тысячи и даже миллионы лет (машины времени, возможность гиперпространственных путешествий и путешествия сквозь кротовые норы). Последнюю категорию американский физик называет невозможностями третьего типа: «Это технологии, которые нарушают известные нам физические законы. Удивительно, но невозможных технологий этого типа оказалось очень мало. И если когда-нибудь окажется, что они тоже возможны, это будет означать фундаментальный сдвиг в наших представлениях о физике» (Там же, с. 21–22). К этой категории невозможно относятся вечный двигатель и предвидение будущего. Из классификации М. Каку следует, что люди характеризуют что-то как невозможное либо по причине недостаточности современных знаний

и отсутствия соответствующих навыков, либо вследствие внутренних свойств самого объекта познания.

Вместе с тем в мире человека случаются события, причины которых искать не только безрезультатно, но и бесполезно: они произошли «не из-за прошлого, а для будущего». Сегодня во всем мире происходят теракты в местах больших скопления людей. И пострадавшим бесполезно спрашивать: «Почему я, за что мне это?» Ни за что: он (она) стал(а) жертвой не потому, что до этого поступал(а), вел(а) себя неправильно. Террористы его (ее) даже не знали и о нем (ней) не думали. Цели террористов всегда устремлены в будущее, их задача — запугать и заставить выполнить свои требования не пострадавшего, а совсем других людей. Исследования детерминации понимания экзистенциальной реальности свидетельствуют о том, что наряду с возможным в психологической науке, например в психологии личности, психологии мышления и других областях, очень важно изучать невозможное, а иногда даже и немыслимое. В этом плане «остается актуальной постановка вопросов о тех психологических процессах, посредством которых человек в своих предвосхищениях или прогнозах выходит из области возможного в мышлении на основе доступной ориентировки в область прогнозов “немыслимого”, соотносит их рефлекслируемые и интуитивные основания» (Корнилова, 2016, с. 22).

Исследование психологических характеристик невозможного для экзистенциальной реальности является актуальной научной проблемой. Изучая ее, ученые имеют дело не с массовыми явлениями, а с настолько маловероятными, неправдоподобными событиями, что они кажутся невозможными. После событий 11 сентября 2001 г. потребность многих американцев в совладании с их психологическими последствиями привела к появлению большого числа теорий заговора, большинство

из которых по своей сути иррациональны. Убеждения теоретиков заговоров являются до крайности неправдоподобными: согласно одной из них, мы, американцы, изначально умнее и лучше арабов. Они не могли незаметно спланировать теракт и взорвать башни, значит, это сделало наше правительство: «События 11 сентября слишком значимы, и их сложно понять, используя наши повседневные модели понимания. Таким образом, это было невозможное событие. Масштабы разрушений, очевидно, были понятны и хорошо задокументированы. Тем не менее люди не могли поверить в эти факты. Подобный когнитивный диссонанс был достаточно болезненным, и чтобы его преодолеть, необходимы некоторые механизмы снижения тревоги» (Airaksinen, 2009, S. 127–128). Н.Н. Талеб называет маловероятное событие Черным лебедем, обладающим тремя характеристиками: «Во-первых, оно аномально, потому что ничто в прошлом его не предвещало. Во-вторых, оно обладает огромной силой воздействия. В-третьих, человеческая природа заставляет нас придумывать объяснения случившемуся после того, как оно случилось, делая событие, сначала воспринятое как сюрприз, объяснимым и предсказуемым» (Талеб, 2016, с. 14). Обобщающим утверждением автора служит положение о том, что миром движет аномальное, неизвестное, неправдоподобное, невозможное с точки зрения наших нынешних знаний. При этом он приводит весомые аргументы против связи причин и следствий, которые свидетельствуют о том, что у каждого события может быть бесконечное число возможных причин (Там же, с. 30, 100).

В современной психологии уже появились исследования, направленные на анализ невозможного как компонента человеческой психики. Их актуальность обусловлена тем, что в сознании людей возможное, допустимое с точки зрения законов физического и социального миров,

непротиворечиво уживается с невозможным: магией, верой в чудеса и т.п. Так происходит во всех странах. В просвещенном технологичном XX в. вера в колдовство, хиромантию, НЛЮ, лохнесское чудовище проявлялась не в меньшей степени, чем в прошлые столетия. В нашем отечестве миллионы россиян верили в то, что А.М. Кашпировский способен излечивать физические недуги на расстоянии, А.В. Чумак тоже удаленным способом может заряжать воду, наделяя ее целебными свойствами. У их адептов, воспринимающих такие «чудеса», дифференциация между воображаемым и действительным не абсолютна, граница между ними весьма неустойчива; во время просмотра телепередач невозможные объекты и события пересекают границу и внедряются в сферу обыденной действительности.

Мир, в котором мы живем, развивается по определенным законам, согласно которым объективно существуют не только возможное, но и невозможное: человек не может свободно проходить сквозь каменную стену, предметы не могут сами перемещаться в пространстве без внешних воздействий и т.п. «Возникает вопрос, какую роль подобные “невозможные” феномены могут играть в обыденной жизни человека. Используя термины гештальт-психологии, можно предположить, что их наиболее очевидная функция состоит в создании “фона”. Действительно, характеризуя невозможные феномены как “ложные”, человек все же нуждается в них, поскольку они составляют оппозицию тому, что он считает истинным. Таким образом, если возможные феномены рассматривать как “фигуру”, то невозможные займут положение “фона”. Помимо того, что невозможные феномены постоянно воспроизводятся воображением, они культивируются в альтернативных, необыденных реальностях, таких как цирк (институт “цирковых волшебников” и фокусников), сновидения, визуальная

и виртуальная реальности» (Субботский, 2007, с. 361). Невозможные феномены играют защитную терапевтическую роль: будучи иллюзорными, тем не менее они оказываются значимыми в жизни многих людей. Следовательно, нерациональные и бесполезные с когнитивной точки зрения невозможные феномены являются психологически полезными в эмоциональной сфере понимающего мир субъекта.

В психологии есть исследования невозможного Я как неотъемлемого составляющего личности. В человеческом бытии существуют ситуации, когда возможности субъекта переживаются им самим как «невозможности». В них актуализуется невозможное Я как проявление значимого возможного Я, которое испытывает влияние руминации – непреодолимой привычки всё переосмысливать: повторяющиеся переживания, совершенные ошибки, пережитые обиды и т.п. В эмпирическом исследовании выявлены связи невозможного Я с высоким уровнем нейротизма, негативизма, а также выраженной тенденцией к самообвинению (Гришутина, Костенко, 2019). Невозможное как один из психологических механизмов формирования и развития личности отчетливо проявляется в исследованиях альтернативных жизненных историй. Некоторые нереализованные шансы, альтернативные варианты развития событий не смогли воплотиться в жизнь, но они сохраняются в психике субъекта, его подсознании. Они отражают хотя и неосознаваемый, но возможный жизненный сценарий, основанный на непринятой, отвергнутой человеком смысловой картине мира (Аванесян, 2018).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследованиях детерминации понимания психологи пытаются ответить на два главных вопроса: 1) насколько разумно и целесообразно искать универсальные психологические механизмы,

определяющие детерминацию понимания субъектом мира абсолютно во всех ситуациях и обстоятельствах? 2) существуют ли специфические особенности, характеризующие детерминацию в эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностях? На первый вопрос получен научно обоснованный отрицательный ответ. Ответ на второй вопрос заключается в следующем. В эмпирической реальности детерминация понимания имеет причинно-следственный характер и осуществляется только применительно к необходимым ситуациям и обстоятельствам, т.е. тому, чего не может не быть. В социокультурной реальности субъект реализует стратегию каузального инкрементализма, основанную на осознании неопределенности, непредсказуемости и даже хаотичности понимаемого мира. Детерминация понимания экзистенциальной реальности реализуется в виде направленности человека на осмысление невозможного, т.е. таких событий и обстоятельств, причины которых не только неизвестны сейчас, но и принципиально непостижимы.

Такие ответы, разумеется, не окончательны: ученым предстоит еще проделать долгий путь проведения интересных и научно значимых исследований.

1. *Аванесян М.О.* Альтернативная автобиографическая история как составляющая возможного «я» // Психол. исслед.: электрон. науч. журн. 2018. № 11 (61). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1619-avanesyan61>
2. *Александров Ю.И., Александрова Н.Л.* Комплементарность культуроспецифичных типов познания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2010. № 3. С. 18–35.
3. *Борев Ю.Б.* Пушкин – наше все (теоретико-литературные уроки Пушкина) // Вест. РГНФ. 1999. № 1. С. 12–24.
4. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. М.: ИП РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
5. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
6. *Гришутина М. М., Костенко В. Ю.* Возможное и невозможное «Я»: уточнение конструкторов

- // Вестн. СПб. ун-та. Психология. 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 268–279.
7. *Знаков В.В.* Теоретические основания понимания западной постправды и русского вранья // *Вопр. психол.* 2019. № 1. С. 16–29.
 8. *Каку М.* Физика невозможного. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.
 9. *Карпинский К.В.* Развитие личности как агентивный процесс: формы и уровни субъектной детерминации // *Психологические проблемы смысла жизни и акме* / Отв. ред. Г.А. Вайзер, Т.А. Попова, Н.В. Кисельникова. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2020. С. 16–20.
 10. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетическая парадигма. Основные понятия в контексте истории культуры // *Живая этика и наука.* 2008. № 1. С. 379–443. Также см.: URL: <http://lib.icr.su/node/1247>
 11. *Корнилова Т.В.* Прогнозирование и «образ мира» в актуалгенезе динамического контроля неопределенности // *Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования: Мат-лы третьего международного симпозиума (Москва, 20–21 октября 2016 г.)* / Отв. ред. М.А. Холодная, Г.В. Ожиганова. М.: ИП РАН, 2016. С. 21–25.
 12. *Корнилова Т.В.* Представления о «каузальном инкрементализме» и психологической неопределенности как о перспективах развития объяснения в психологии // *Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития* / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: ИП РАН, 2018. С. 368–384.
 13. *Лимонов Э.* Священные монстры. СПб.: Питер, 2019.
 14. *Нехаев А.В.* Мнение как познавательная форма: логико-семиотический анализ: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2009.
 15. *Орланов Г.Б.* «Смерть детерминизма» в социологии: есть ли альтернатива? // *Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В.А. Ядова).* Международная научная конференция (Москва, 28–30 ноября 2019 г.): Сб. мат-лов / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 265–270.
 16. *Погожина И.Н.* Детерминация развития познавательных структур: постнеклассическая теоретическая модель // *Национальн. психол. журн.* 2015. № 3 (19). С. 35–45.
 17. *Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант: к решению парадокса времени. М.: Прогресс, 1994.
 18. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Едиториал УРСС, 2014.
 19. *Прохоров А.О.* Психология неравновесных состояний. М.: ИП РАН, 1998.
 20. *Серяенко Е.А.* Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта // *Психол. журн.* 2017. Т. 38. № 2. С. 5–18.
 21. *Смирнов А.В.* Всечеловеческое vs общечеловеческое. М.: ООО «Садра»; Изд. дом ЯСК, 2019.
 22. *Субботский Е.В.* Строящееся сознание. М.: Смысл, 2007.
 23. *Талб Н.Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2016.
 24. *Ухтомский А.А.* Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.
 25. *Ушаков Д.В.* Анатомия психологического знания // *Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития* / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: ИП РАН, 2018. С. 71–114.
 26. *Харламенкова Н.Е.* Описание, объяснение и обоснование теоретического знания в современной психологии личности // *Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития* / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: ИП РАН, 2018. С. 431–453.
 27. *Эпштейн М.Н.* Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
 28. *Airaksinen T.* Conspiracy as a dirty secret: The case of 9/11 // *Homo oeconomicus.* 2009. N. 1. S. 123–141.
 29. *Wiewiorka M.* Priorities // *Sociology on the move. XVII ISA World Congress of Sociology on the Move. Gothenburg, Sweden 11–17 July 2010.* URL: <http://www.isa-sociology.org/congress2010>
- References in Russian:**
1. *Avanesyan M.O.* Al'ternativnaya avtobiograficheskaya istoriya kak sostavlyayushchaya vozmozhnogo «ya» // *Psikhologicheskie issledovaniya.* 2018. N 11 (61). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1619-avanesyan61>
 2. *Aleksandrov Yu.I., Aleksandrova N.L.* Komplementarnost' kul'turospecifichnyh tipov poznaniya // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psikhologiya.* 2010. N 3. S. 18–35.
 3. *Borev Yu.B.* Pushkin – nashe vse (teoretiko-literaturnye uroki Pushkina) // *Vestnik RGNF.* 1999. N 1. S. 12–24.
 4. *Brushlinsky A.V.* Psikhologiya sub"ekta. M.: Institut psikhologii RAN; Spb.: Aletejya, 2003.

5. *Vasilyuk F.E.* Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situacij). M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984.
6. *Grishutina M.M., Kostenko V.Yu.* Vozmozhnoe i nevozmozhnoe «YA»: utochnenie konstruktov // *Vestn. SPb. un-ta. Psikhologiya.* 2019. T. 9. Vyp. 3. S. 268–279.
7. *Znakov V.V.* Teoreticheskie osnovaniya ponimaniya zapadnoj postpravdy i russkogo vran'ya [Theoretical foundations of Western post-truth and Russian lying] // *Voprosy psikhologii.* 2019. N 1. S. 16–29.
8. *Kaku M.* Fizika nevozmozhnogo. M.: Al'pina non-fikshn, 2019.
9. *Karpinsky K.V.* Razvitie lichnosti kak agentivnyj process: formy i urovni sub"ektnoj determinacii // *Psikhologicheskie problemy smysla zhizni i akme* / *Otv. red. G.A. Vajzer, T.A. Popova, N.V. Kisel'nikova.* M.: Psikhologicheskij institut RAO, 2020. S. 16–20.
10. *Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P.* Sinergeticheskaya paradigma. Osnovnye ponyatiya v kontekste istorii kul'tury. Elektronnyaya biblioteka Mezhdunarodnogo Centra Rerihov. URL: <http://lib.icr.su/node/1247>
11. *Kornilova T.V.* Prognozirovanie i «obraz mira» v aktualgeneze dinamičeskogo kontrolya neopredelennosti // *Mental'nye resursy lichnosti: teoreticheskie i prikladnye issledovaniya: Materialy tret'ego mezhdunarodnogo simpoziuma* (Moskva, 20–21 oktyabrya 2016 g.) / *Otv. red. M.A. Holodnaya, G.V. Ozhiganova.* M.: Institut psikhologii RAN, 2016. S. 21–25.
12. *Kornilova T.V.* Predstavleniya o «kavzal'nom inkrementalizme» i psihologicheskoj neopredelennosti kak o perspektivah razvitiya ob"yasneniya v psikhologii // *Psikhologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* / *Pod red. A.L. Zhuravleva, A.V. Yurevicha.* M.: Institut psikhologii RAN, 2018. S. 368–384.
13. *Limonov E.* Svyashchennyye monstry. SPb.: Piter, 2019.
14. *Nekhaev A.V.* Mnenie kak poznavatel'naya forma: logikosemioticheskij analiz: Avtoref. dis. ... dokt. filos. nauk. Tyumen': Tyumenskij gos. un-t, 2009.
15. *Orlanov G.B.* «Smert' determinizma» v sociologii: est' li al'ternativa? // *Budushchee sociologicheskogo znaniya i vyzovy social'nyh transformacij* (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Yádova). Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya (Moskva, 28–30 noyabrya 2019 g.). *Sb. mat-lov / Otv. red. M.K. Gorshkov.* M.: FNISC RAN, 2019. S. 265–270.
16. *Pogozhina I.N.* Determinaciya razvitiya poznavatel'nyh struktur: postneklassicheskaya teoreticheskaya model' // *Nacional'nyj psikhol. zhurn.* 2015. N 3(19). S. 35–45.
17. *Prigozhin I., Stengers I.* Vremya, haos, kvant: k resheniyu paradoksa vremeni. M.: Progress, 1994.
18. *Prigozhin I., Stengers I.* Poryadok iz haosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoy. M.: Editorial URSS, 2014.
19. *Prohorov A.O.* Psikhologiya neravnovesnyh sostoyanij. M.: Institut psikhologii RAN, 1998.
20. *Sergienko E.A.* Realizaciya principa razvitiya v issledovaniyah psikhologii sub"ekta // *Psikhol. zhurn.* 2017. N 2. S. 5–18.
21. *Smirnov A.V.* Vsechelovecheskoe vs. obshchechelovecheskoe. M.: OOO «Sadra»; Izdatel'skij Dom YASK, 2019.
22. *Subbotsky E.V.* Stroyashcheesya soznanie. M.: Smysl, 2007.
23. *Taleb N.N.* Chernyj lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2016.
24. *Uhtomsky A.A.* Zasluzhennyj sobesednik: Etika. Religiya. Nauka. Rybinsk: Rybinskoe podvorie, 1997.
25. *Ushakov D.V.* Anatomiya psikhologicheskogo znaniya // *Psikhologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* / *Pod red. A.L. Zhuravleva, A.V. Yurevicha.* M.: Institut psikhologii RAN, 2018. S. 71–114.
26. *Harlamenkova N.E.* Opisaniye, ob"yasneniye i obosnovaniye teoreticheskogo znaniya v sovremennoj psikhologii lichnosti // *Psikhologicheskoe znanie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* / *Pod red. A.L. Zhuravleva, A.V. Yurevicha.* M.: Institut psikhologii RAN, 2018. S. 431–453.
27. *Epshtejn M.N.* Znak probela: O budushchem gumanitarnykh nauk. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004.

Поступила в редакцию 25. V 2020 г.

SUMMARIES

Three types of determination of understanding

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article describes the evolution of scientific ideas concerning determinism: from scientists' attempts to find general laws of determination that are applicable to identification of the causes and consequences of the behavior of natural objects and humans in any conditions, to the realization of the fundamental impossibility to determine cause-and-effect relationships in the development of open, non-equilibrium, self-organizing systems. It is proved that in psychological science the problem of determining mental development has always been one of the central ones, and examples of its analysis and discussion are given in the works of classics of Russian psychology and modern researchers. The article is aimed at getting answers to two main questions: 1) how reasonable and appropriate is it to search for universal psychological mechanisms that determine the determination of the subject's understanding of the world in absolutely all situations and circumstances; 2) are there specific features that characterize determination in empirical, socio-cultural, and existential realities? The first question received a scientifically based negative answer. The answer to the second question is that the psychological mechanisms for determining understanding cannot be the same for all situations and circumstances. In empirical reality, the determination of understanding has a causal character and is carried out only in relation to the necessary situations and circumstances, i.e. what can not be. In the socio-cultural reality, the subject implements a strategy of causal incrementalism based on the awareness of uncertainty, unpredictability, and chaotic nature of the

understood world. The determination of understanding existential reality is realized in the form of a person's orientation to comprehend the impossible, i.e. such events and circumstances, the causes of which are not only unknown now, but also fundamentally incomprehensible.

Key words: understanding, determination, polydetermination, necessary, possible, plausible, impossible.